

КЕНИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭКСПАТРИАНТОВ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
МАРДЖОРИ МАКГОЙ И СТИВЕНА ПАРТИНГТОНА

Англоязычная поэзия Кении возникает и начинает развиваться в 70-х гг. XX в., на десятилетие позже угандийской. Именно в это время появляются первые по-настоящему блистательные примеры поэтического творчества – стихи ставших впоследствии классиками кенийской литературы Джаредда Ангиры и Мисере Гитхэ Муго, чье творчество характеризует два основных направления кенийской англоязычной поэзии второй половины XX в. – критико-реалистическое и философски-мистическое [Фролова: 75–90]. Изучение англоязычной поэзии Кении заставляет обратить внимание на такой интересный феномен, как кенийская поэзия авторов британского происхождения. Это писательница Марджори Олудэ Макгой и поэт Стивен Партингтон, чье творчество нельзя назвать типичным явлением восточноафриканской словесности. И Макгой, и Партингтон – этнические англичане, перебравшиеся, каждый в свое время, в Кению и посвятившие себя литературе и, главное, назвавшие Кению своей родиной, а себя – кенийцами. В их стихах – искренняя любовь к земле, которая стала для них родным домом, боль за терпящих невзгоды африканцев, осмысление африканской действительности глазами европейца. Каждый по-разному решает свою писательскую задачу.

Ключевые слова: англоязычная поэзия Восточной Африки, поэзия Кении, Марджори Макгой, Стивен Партингтон, писатели-эмигранты

Информация об авторе: Фролова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия

E-mail: samaki@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.09.2020

Для цитирования: Фролова Н.С. Кенийская поэзия эмигрантов на примере творчества Марджори Макгой и Стивена Партингтона // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 172-178. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-172-178>

Natal'ya S. Frolova
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

EXPATRIATE KENYAN POETRY:
MARJORIE PHYLLIS OLUDHE MACGOYE AND STEPHEN DERWENT PARTINGTON

English-language poetry in Kenya emerges and begins to develop in the 1970s, a decade later than the Ugandan one. It was at this time that the first truly brilliant examples of poetic work appeared – these are poems of Jared Angira and Micere Githae Mugo, who later became classics of Kenyan literature, whose work characterises the two main directions of Kenyan English-language poetry of the second half of the 20th century – critical-realistic and philosophical-mystical [Frolova: 75–90]. Studying the English-language poetry of Kenya draws attention to such an interesting phenomenon as the Kenyan poetry of expatriate writers. These are the creative work of Marjorie Oludhe Macgoye and the Stephen Partington, whose creative work cannot be called typical for East African literature. Both Macgoye and Partington are ethnic British, who had moved, each at own time, to Kenya and devoted themselves to literature, and, what is most important, called Kenya their homeland and themselves, Kenyans. In their poems, one can feel sincere love for the land, which has become their home, sympathy for Africans who suffer social injustice, and huge efforts to understand African reality through the eyes of a European.

Keywords: English-language East African poetry, Kenyan poetry, Marjorie Phyllis Oludhe Macgoye, Stephen Derwent Partington, expatriate writers

Information about the author: Natal'ya S. Frolova, Candidate of Philological Sciences, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: samaki@mail.ru

Article received: September 28, 2020

For citation: Frolova N.S. Expatriate Kenyan poetry: Marjorie Phyllis Oludhe Macgoye and Stephen Derwent Partington. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 172-178 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-172-178>

Кенийская писательница Марджори Олудэ Макгой (1928–2015), уроженка Великобритании, автор нескольких романов и двух поэтических сборников – «Песня ньярлоки»¹ (1977) и «Пусть запоет» (1998) по праву заслужила прозвище «матери кенийской литературы»². Марджори Кинг впервые оказалась в Кении в 1954 г., в период самых серьезных политических потрясений (восстание мау-мау находилось в своей острой фазе), в качестве миссионера-книготорговца. Спустя несколько лет она получила гражданство, вышла замуж. После женитьбы глубоко погрузилась в изучение культуры народа луо, к которому принадлежала семья мужа.

Поэтическое творчество Марджори Макгой во многом демонстрирует неразрывную связь автора с британской культурой, с одной стороны, и активную вовлеченность в культуру и общественно-политическую реальность Восточной Африки. Этот симбиоз заметен даже на формальном уровне: использование традиционной формы суахилийского стиха в англоязычном произведении «Shairi la Ukombozi»³ (*Шаири об освобождении*).

Песня – ключевое понятие поэзии Макгой: благодаря четкому ритму, который демонстрирует экспрессию сродни музыкальному произведению, эти стихи действительно хочется пропеть. Стихи Макгой насыщены фольклорными элементами, многие из них представляют собой стилизацию под народные песни с характерными повторами, междометийными вставками и т. п.

Творчество Макгой проникнуто болью и состраданием к кенийскому народу, ставшему для нее родным. Поэтесса глубоко переживает тяготы и лишения своих соплеменников, кенийцев. В стихотворении «Песня свобода» (*A freedom song*), написанной в форме народной песни, рассказ о девочке по имени Атьено, на чью долю выпала несчастливая судьба детей, лишенных детства, судьба многих кенийских (и, шире, африканских) детей и подростков, вынужденных вместо игр и учебы много работать по дому, торговать на рынке. В этом необычайно грустном стихотворении поэтесса выступает против порочной практики эксплуатации молодого поколения в странах Африки:

Atieno washes dishes,
Atieno pluckes the chicken,
Atieno gets up early,
beds her sacks down in the kitchen,
Atieno eight years old,
Atieno – yo.

...
Visitors need much attention,
specially when I work nights.
That girl stays too long at market;
who will teach her what is right?
Atieno rising fourteen.
Atieno – yo.

Атьено моет посуду,
Атьено потрошит курицу,
Атьено рано встает,
Тряпье в углу кухни – ее постель,
Атьено восемь лет,
Атьено, эй!

...
Покупателям нужно больше внимания,
особенно когда я работаю по ночам.
Эта девочка слишком долго стоит на рынке;
кто научит ее правильно жить?
Атьено уже 14.
Ох, Атьено.

[Macgoye 1998: 73–74]

Судьба девочки-подростка в Африке предreshена, смерть Атьено после неудачного разрешения от бремени – таков привычный финал многих ее ролевнищ, как бы говорит нам поэтесса:

Atieno's had a baby
so we know that she is bad
Fifty-fifty it may live
to repeat the life she had,
ending in post-partum bleeding
Atieno – yo.

Atieno's soon replaced.
Meat and sugar more than all
she ate in such a narrow life
were lavished on her funeral.
Atieno's gone to glory,
Atieno – yo.

У Атьено ребенок –
дрянная девчонка.
Вряд ли выживет он, иначе
повторит судьбу матери.
у той послеродовое кровотечение
Эх, Атьено.

Быстро Атьено нашли замену.
На ее похоронах было больше
мяса и сладостей, чем она съела
за всю свою жалкую жизнь.
Упокой душу
твою, Атьено.

[Macgoye 1998: 74]

Однако это не означает, что Макгой стремится к некоему литературному обобщению, напротив, чувствуется невероятно личностный подход поэтессы к проблемам, существующим в современном кенийском обществе. Для нее важно назвать жертву по имени, оставить о ней память, в том числе и у виновных, пусть и невольно, в трагедии этой жертвы. Макгой ценит человеческую жизнь, кому бы она ни принадлежала, для нее важно оплакать любое замученное, нелепо погибшее или подвергнутое несправедливому обращению человеческое существо, будь то никому не известная девочка Атьено или дети, затоптанные во время визита первого президента Кении Джомо Кеньяты в город Кисуму в 1969 г.:

sleep, Alnoor, my son.
Lie quietly, My baby Ochieng⁴,
Hush, they may hear you fidget
as though those little graves did not content you.
Rest quietly, now the big men are counting
the living, not the dead.

спи, Алноор, сынок.
Тихо лежи, дитя мое Очъенг,
Тсс, они могут услышать вашу возню,
как будто вам мало ваших могил.
Сейчас большие дяди считают
живых, а не мертвых.
«Песня о Кисуму» (*Song of Kisumu*)
[Macgoye 1998: 13]

Оплакивает Макгой и несчастных безвестных жителей деревеньки Мворото, которую в одну ночь сровняли с землей бульдозеры по приказу городской комиссии Найроби в стихотворении:

This phosphorescent night
– jagged, noisy, chill –
as the river crawls with its curd of refuse,
followed a day of ragged alarm,
machines like hippos' open jaws
shredding a doll's house world,
scattering kids and clothes,
battering heads and bloody limbs
near drowning among polythene island.

Сверкающая ночь
– рваная, шумная, холодная –
пока река ползет прокисшим молоком отказа,
за нею день, истерзанный тревогой,
машины бегемотами открыли пасти,
кромсая кукольного домика мирок,
расшвыривая детей, одежду,
разбивая головы и руки-ноги в кровь
посреди мусорных островов⁵.
«Мворото» (*Muoroto*)
[Macgoye 1998: 82]

Обращает на себя внимание вводное пояснение к стихотворению, в котором поэтесса не без сарказма приводит фрагмент заметки из найробийской газеты «The Weekly Review», опубликованной после описанной Макгой злосчастной ночи: «Life was slowly returning to normal in Nairobi's Muoroto shanty village two weeks after it was razed to the ground...» (Жизнь медленно возвращалась в деревеньку Мворото через две недели после ее уничтожения...)

Такой представляется Марджори Макгой настоящему правдивая история – в ней нельзя замалчивать даже самые ничтожные события. Приезд президента становится в ее стихах печально известен благодаря затоптанному малышам, а снос уродующих столичный облик трущоб – варварски загубленными жизнями.

Несмотря на частые минорные настроения поэзии Маоджори Макгой, стоит отметить главную позитивную черту, характерную для стихов поэтес-

сы, – ее любовь к Кении, стране, которой ей очень хотелось стать нужной и которая ей стала близка. В предисловии к сборнику читаем: «Марджори рассказывает о жизни этого народа (кенийцев. – *Н. Ф.*) в каждом стихотворении... В большинстве ее стихов прославляется Кения – ее народ...» [Иконуа, viii] И далее: «С самого начала она стала истинной дочерью своего народа, луо... Она пыталась глубже понять жизнь народа, частью которого стала...» [Иконуа, xi]. Восхищение Африкой, черным цветом кожи, самобытной африканской природой, культурой, одеждой дает право Марджори сетовать на потерю африканской самобытности, особенно в таком африканском мегаполисе, как Найроби:

Never has there been more fashion-consciousness
Then ours in Africa,
Always eclectic,
Always ambitious...
But today I saw a moran
Wearing blanket and ear-rings,
Orange socks and *lada* from Bata.

Нигде никогда не было такого чувства моды
кроме как у нас в Африке,
столько эклектики,
столько задора...
Но сегодня я видела морана⁶
Одетого в плед, с серьгами,
В оранжевых носках и ботинках из Bata⁷.
«Африканский город» (*The African city*)
[Macgoye 1998: 21]

Нельзя не отметить патерналистские нотки поэзии Марджори Макгой, что неудивительно, ведь юная Марджори Кинг прибыла в Кению в качестве миссионера в 1950-е гг. При этом цель своей миссии отчасти она воплотила в таких стихотворениях, как «Иисус» (*Jesus*), «Леонида и форт Иисус» (*Leonida and Fort Jesus*), «Канун Пасхи» (*Easter Eve*).

Пик активной социальной и творческой деятельности Макгой пришелся на середину 60-х – 70-е гг. XX в., первое время становления и развития новообразованных независимых африканских государств, в том числе и Кении; время, когда память о колониальной зависимости была еще очень свежа, но уже достаточно явно обнаружили себя язвы постколониальной африканской действительности – нищета и бесправие народа, гигантские проблемы социального характера, «воцарение» вчерашних борцов за независимость. Будучи интегрирована в этот водоворот перемен, живя и работая в стране в самый непростой для нее период, Макгой все же еще не до конца африканка, кенийка, она искренне и со всем энтузиазмом оценивает эту жизнь как бы со стороны, выступая в качестве некоего посла мира и справедливости, представляя развитую европейскую державу, каковой, несомненно, является Великобритания. Не случайно на пике своей творческой и активной социально-

политической деятельности Марджори общается со многими видными представителями восточно-африканской интеллигенции, уделяя значительное место обращению к ним в своих стихах. Среди адресатов Макгой – писатели Окоп п'Битек и Нгу-ги ва Тхионго, политик Том Мбойя, памяти которого Макгой посвящает полное боли и отчаяния стихотворение⁸:

The grass is trampled,
Only vultures overhead
swoop, rend and darken,
All else is down.
the buffalo is down,
elephant fallen,
lion torn and unmanned.

Трава вытоптана,
Только стервятники кружась
бросаются вниз, кромсают, порочат,
Все живое поникло.
Буйвол упал,
слон обессилел,
лев повержен.

«Посвящается Тому» (*To Tom*)
[Macgoye 1998: 31]

Поэзия Марджори Олудхэ Макгой – это своего рода энциклопедия кенийской жизни тех времен, по крайней мере, благодаря ее творчеству, в том числе поэтическому, можно составить картину культурной и социально-политической жизни 60–80-х гг. XX в., истории Кении и африканского континента. Пусть даже глазами европейки. Творчество Макгой – литература для интеллектуально подготовленного читателя, способного считывать аллюзии, которыми буквально нашпигованы стихотворные произведения Макгой.

Возможно, отчасти поэтому таким покиплинговски покровительственным может показаться читателю оплакивание Марджори девочки Атьено или по-матерински снисходительным сетование по поводу масаи, нацепившего европейскую обувь. Недаром опорным словом в вышеназванном прозвище Макгой является слово «мать», буквально – родитель, опекун. Что, повторимся, не удивительно, так как для того времени разрыв культур был еще слишком велик и, возможно, на тот момент казался даже непреодолим в силу культурных и исторических реалий, в которые была погружена Марджори Макгой. Именно поэтому таким ощутимым представляется контраст иммигрантской поэзии Макгой 60–90-х гг. XX в. и творчества другого кенийского поэта, британского происхождения, Стивена Партингтона, пишущего уже в наши дни.

Представитель англоязычной кенийской поэзии 2000-х гг. англичанин Стивен Партингтон, преподаватель литературы, публицист, в своем творчестве демонстрирует ироническое отношение к окружающей действительности, поэт больше тяготеет

к изображению комического, страдания и боль не в фокусе его писательского внимания. Особенно это характерно для стихов на тему расовых взаимоотношений. Партингтон зачастую демонстрирует ироническое отношение к своему неафриканскому происхождению, непониманию вещей, очевидных для коренных жителей Кении. Так, в стихотворении «Смешная штука, культура» (*It's Funny Thing, Culture*) он подшучивает над слишком серьезным восприятием европейцев некоторых обычаев кенийских этносов:

Because my future wife's Akamba
I have bought myself a longbow
and a quiverful of arrows.
For a laugh, you understand.
Still, I would like to learn the recipe
the old Akambas used to tip
these funny-looking weapons –
I am told that it could kill you in
an instant. What a laugh! I'd
love to make it. Maybe venom from
a cobra? Just don't know. But
I'm excited, for my Kamba watch-
men tell me they will show me
just how strong it is... someday,
some future pay-day. Someday soon.
I cannot fathom why their offer
makes them double-up with laughter.

Поскольку моя будущая жена из народа акамба,
Я купил себе лук
и стрелы.
Ради хохмы, поймите.
Хотел я узнать рецепт
того зелья, в которое акамба окунают
стрелы –
Мне сказали, оно способно убить
в мгновение. Забавно! Я бы хотел
сварить его. Может, из яда
кобры? Просто не знаю. Но я
Поражаюсь, когда другие акамба
говорят, что покажут,
насколько силен этот яд... однажды,
когда придет час. Когда-нибудь вскоре.
Не могу объяснить, почему эта фраза
их заставляет так смеяться.

[Partington: 51]

Тему комической непохожести белых и чернокожих развивает поэт в таких стихах, как «Способ общения» (*Communication*), где описывает способ коммуникации посредством СМС и электронной почты, которым европейцы с легкостью заменяют реальное общение и который перенимают африканцы; или в стихотворении «Что значит загар для белого» (*Sunburn for a mzungu*):

It is sleeping in agony: sheets rub like
emery...
...Is peeling and sloughing
like snakes...Is

to look like a bloody flamingo, a traffic-light, strawberry-lollipop-red-headed geek.

Твое тело в агонии: простыни трут как наждак...
...кожа слезает
как у змеи... а ты
словно фламинго, как красный сигнал светофора,
пугало с пунцовой как леденец головой.
[Partington: 52]

Стивен Партингтон дебютировал сборником с характерным названием «СМС или разговор лицом к лицу» [Partington], который разделен на главы, каждая из которых посвящена той или иной тематике – любовь, расизм, охрана природы, религия. Каждая глава предваряется развернутым комментарием автора. К примеру:

«Любовь странная штука. Забудем, что это эмоция, и вспомним, что это абстрактное существо: то, что невозможно почувствовать, понюхать или адекватно определить... Необъятная тема, Любовь: ее не измеришь валентинкой для определения отношений мужчины и женщины. Бывает любовь друзей, родительская любовь, страсть, романтическая любовь, любовь супругов, любовь к Богу... Любовь заставляет нас болеть, смеяться, плакать, она заставляет нас чувствовать себя... человеком» [Partington: 19]

При этом, говоря о любви, поэт не склонен к патетике и романтизации чувства и пишет о продажной любви в стихотворении «Проститутка» (*Malaya*)⁹:

Don't pity her unwashed plastic braids
or the tattered designer fakes she wears,
her wasting slimline hunger, or her AIDS.

...
And do not pity her lack of self-respect,
her loose morality, or frown
She-just-ain't African
or Christ-says-this-and-that!

Не жалейте ее за косички немывтые,
За паленые шмотки,
За ее худобу и за СПИД.

...
Не ругайте, что нет уваженья к себе,
что бесстыдница, «не африканка»,
что «забыла Христа»!

[Partington: 21]

Здесь же, на противоположной странице сборника, читаем стихотворение «Не английская роза» (*No English Rose*), в котором поэт обращается к своей кенийской возлюбленной – произведение, неизбежно вызывающее в памяти аллюзию на шекспировское «*что значит имя, роза пахнет розой*»:

In British verse, your sort's not celebrated anywhere.
And so I will discover you, like Thompson, Krapf or Livingstone,
those arrogants who wrote about this continent as if it

hadn't been before they came. I share their need to name –
not lakes and hills and falls, but you, your beauty.
It is wrong, some folk will say, and clearly racist. So?
I love you, so I'll sing you and I'll praise you. It is wrong,
some folk will say, and clearly sexist. Still I'll sing you for I love you; love your ploughed-field hair, your sanded hardwood cheeks, your lips as dusky as the fabled tents of Kedar, and your eyes like polished baobab seeds...

В стихах английских слов таких не встретишь.
И я открою заново тебя, как Томпсон, Крапф и Ливингстон
те выскочки, которые писали о вашем континенте, словно бы
его и не было до них. Я чувствую потребность ту же дать имя –
не озерам и холмам, не водопадам, но тебе.
Неправильно все это, кто-то скажет, расизм чистейший. Ну так что ж?
Ведь я люблю тебя, я буду петь тебе и славить тебя. неправильно все это,
кто-то скажет, дискриминация мужчиной женщины.
И все же
я буду петь тебе, ведь я тебя люблю; люблю волну волос, и щеки,
что древесной черноты черней, и губ изгиб, темнеющих, как кроны
сказочного Кедра, и семена начищенных до блеска баобаба глаз твоих...

[Partington: 20]

Здесь нельзя не отметить, что Партингтон, как и Макгой, привлекает образы британской культуры для того, чтобы рассказывать о вечных темах, не перестающих оставаться таковыми в контексте африканской действительности.

Элегический настрой Партингтона сменяют экспрессивность и чувственность, когда речь заходит о природе тропиков. Стихотворение «Ливень» (*The Rains*) – поэзия бурлящей в недрах земли жизни, пробуждающейся под каскадами тропических ливней, читатель словно чувствует плеск хлещущих струй и биение пульса с новой силой оживающей после дождя природы:

But, come tomorrow, we will witness,
in an instant, Birth:
a greening and a hatching and a chirping
and a lowing and a trumpeting, a bleating
barking roaring crowing singing,
life emerging, eyelids opening, a push,
a parturition of the Earth.

Но завтра мы увидим
в мгновение Рождение:
цветение, проклевывание, чирикание,
мычание и трубный глас, и бляенье,
лай, рев и карканье, и пение, жизнь
пробуждающуюся, распахнутость ресниц,
толчок – и вот Земля рождает.

[Partington: 30]

Восторг, вызванный африканской природой, столь свойственный писателям-эмпатриантам (характерный, как мы помним, и для творчества Марджори Макгой), тем не менее, не так примечателен в творчестве Стивена Партингтона, хотя и занимает в нем заметное место. Гораздо более интересной представляется раскрываемая в его стихах проблематика междерасовой и межкультурной коммуникации. Задача Партингтона – высмеять пошлые стереотипы, которые мешают за этническими, гендерными, расовыми ограничениями увидеть людей, стереотипы, которые порождают глупость и вражду:

Our children will be... sepia.
Like all daguerreotypes,
but snapshots of the future...

They'll chat in Sheng.
they'll grow, in time, to eat ugali
with hint-of-light-crisp-lemon-
luscious Chardonnay.

No doubt they'll translate Ngugi
into English as a near Shakespearean
Sonnet sequence. Suerly they'll be
multi-skilful *Urbemensen*,

fluent in a thousand tongues or...
Cut the crap! Our children
will be children. Simply that. For
when the shit's all said and done

they'll be, not pioneers nor symbols,
but our daughters and our sons.

Наши дети будут цвета... сепии
Как дагерротипы,
только в будущем...

Примутся болтать на *шенге*,
вырастут, *угали* будут
запивать лимонно-желтым
и блестящим Шардоне.

Нгуги переведут Тхионго
на манер шекспировских
сонетов. Явно будут
Суперлюди,

говорить свободно смогут на любом из
языков или...
Хватит! наши дети
будут просто дети – точка!

не пионерами и не символами,
а нашими сыновьями и дочерьми.
«Скрещивание» (*Misgenation*)
[Partington: 53]

Поэзия Марджори Макгой и Стивена Партингтона – с одной стороны, блестящий пример того, как сближение культур формирует у европейской интеллигенции, иммигрировавшей в Африку, за-

прос на литературное самовыражение в контексте интеграции в инокультурный социум.

С другой стороны, на примере творчества этих двух авторов мы видим, как со временем развивается отношение поэта к теме Африки и африканцев, к своему собственному месту в мире и культуре, в которые они оказались интегрированы. Если в творчестве Марджори Макгой, пишущей преимущественно в 60–80-е гг. XX в., чувствуются явные патерналистские, просветительские нотки, Партингтон, живущий в одно время с нами, в эпоху последних технологических достижений, которыми одинаково пользуется и он, и пасущий скот масаи (недаром на обложке его первой книги стихов изображен масаи в национальной одежде, который говорит по мобильному телефону), уже не несущий на себе пресловутое бремя белого человека, выступает с этим миром на равных, пытается разобраться в природе стереотипов, сложившихся в отношении межкультурных и междерасовых взаимоотношений, чтобы побороть их, в том числе и в себе самом, разобраться в проблемах социального характера, никого при этом не осуждая, но пытаясь понять.

Примечания

¹ Приблизительный перевод – *Песня невесты с другого берега*. *Nyarloka* в переводе с языка луо – девушка, которая прибывает из чужих земель, чтобы стать женой и принять новую землю как свою вторую родину.

² Автор использует именно суахилиязычное название. *Shairi*, *шаири* – один из двух основных жанров традиционной суахилийской поэзии.

³ https://en.wikipedia.org/wiki/Marjorie_Oludhe_Macgoye (дата обращения: 24.09.2020).

⁴ Автор уточняет в примечании, что это реальные имена жертв инцидента.

⁵ В оригинале выражение *polythene islands* (полиэтиленовые острова) – намек на захламленность трущоб Найроби полиэтиленовыми пакетами, этой большой экологической проблемы всей Африки.

⁶ Юный воин народа масаи.

⁷ Широко распространенная марка недорогой обуви.

⁸ Кенийский политик Том Мбойя был убит в 1969 г.

⁹ Суахилийский термин.

Список литературы

Фролова Н.С. Столкновение Востока и Запада: восточноафриканский взгляд. Англиязычная лирика Джаредда Ангиры и поэзия протеста Мисере Муго // Встреча Востока и Запада. Взаимодействие литературы и традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 75–90.

Ikonya Philo. Introduction. Make it Sing and other poems. Nairobi, 1998, pp. vii-xii.

Macgoye M. Song of Nyarloka and other poems. Oxford University Press, 1977, 60 p.

Macgoye M. Make it sing and other songs. Nairobi, 1998, 112 p.

Partington Stephen. SMS & Face to Face. Nairobi, 2003, 112 p.

References

Frolova N.S. *Stolknovenie Vostoka i Zapada: vostochnoafrikanskii vzgliad. Angloiazychnaia lirika*

Dzhareda Angiry i poeziia protesta Misere Mugo [The Clash of East and West: An East African View. English lyrics of Jared Angira and protest poetry of Micere Mugo]. *Vstrecha Vostoka i Zapada. Vzaimodeistvie literatur i traditsii* [Meeting of East and West. Interaction of literature and tradition]. Moscow, IMLI RAS, 2020, pp. 75–90. (In Russ.).